

Д. Худоназаров

ЭКСПЕДИЦИЯ ГРАФА БОБРИНСКОГО НА ЗАРАФШАН И ЗАГАДКИ МАКШЕВАТСКОЙ ПЕЩЕРЫ

Начиная писать о первой экспедиции графа Бобринского¹, я не ставил перед собой задачу разрабатывать тему Макшеватской пещеры. Изучение находящегося в ней, по преданию, нетленно-го тела ходжи Исхака, который, собственно, и вызывает острый интерес к ней, также не входит в задачу автора. В своей ранней статье² о графе Бобринском я только парой слов обмолвился о пещере и был уверен, что не задержусь на ней и сейчас, ибо, хотя сам граф и посетил пещеру, но она, судя по всему, его не заинтересовала. Однако, как оказалось позже, здесь кроется загадка. Граф Бобринский вместе со своими спутниками потратил много времени и усилий, чтобы добраться до Макшеватской пещеры, а в результате не написал о ней ни строчки. В книге³, завершающей таджикский цикл, ученый сопоставляет культуры различных групп населения долины Кухистана и многократно приводит примеры из жизни таджиков Зарафшана, используя различные сведения из своей поездки 1895 г., но совсем не упоминает Макшеват. В главе книги, посвященной святым местам, *мазарам* и *остонам*, также ни слова не сказано о пещере. А ведь это место во многих смыслах неординарное. У меня невольно возник вопрос: что там произошло? Складывается впечатление, что ученый избегает говорить о пещере.

Эта загадка подвигла меня на поиски материалов о таинственном подземелье, и в своей работе я отошел достаточно далеко от основной темы. Должен признаться, что в юные годы мой интерес к трудам графа Бобринского был продиктован стремлением узнать о прошлом своего народа, о ранних, глубинных пластах культуры предков современных таджиков, а разнообразные места поклонения, в том числе такого рода, как вышеупомянутая пещера, относятся именно к этому разряду. Будучи кинематографистом и находясь на съемках в различных районах Таджикистана, я посещал эти места, интересовался ими. Однако повторюсь:

исследование захоронения ходжи Исхака как самостоятельный вопрос не входит в мою задачу. Интерес к нему вызван тем, что пещера привлекала внимание графа Бобринского, изучением жизни и исследовательской деятельности которого я занимаюсь⁴. Обращение же к фигуре исследователя в контексте этнографии горных таджиков — это попытка ответить на некоторые вопросы истории этнографической науки. Надеюсь, избранный угол зрения позволит собрать из разрозненных источников наиболее интересные данные об этой пещере, сопоставить их и представить читателю. В то же время я ни в коем случае не претендую на то, что ответил на все вопросы, связанные с Макшеватской пещерой. Наоборот, мне думается, что пещера и все, что с нею связано, могут послужить точкой опоры для более широких исследований и обобщений. Пещера ждет своих исследователей: этнографов, культурологов, религиоведов, антропологов и, возможно, экспертов других смежных профессий. Буду рад, если данная статья пробудит их интерес к ней.

Начало изучения культуры и этнографии горных таджиков

В 1868 г. древний Самарканд был завоеван Россией. К. П. Кауфман⁵, первый генерал-губернатор Туркестана, обратился в Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ)⁶ при Московском университете с предложением принять участие в изучении новообретенных земель. В ответ в октябре того же года Общество командировало А. П. Федченко⁷ для изучения этих *новых земель*, с тех пор исследования Обществом Средней Азии стали традицией. За А. П. Федченко последовали другие ученые, главным образом географы и биологи, военные топографы, изредка сообщавшие сведения этнографического характера.

Четверть века спустя, весной 1895 г., под покровительством той же авторитетной научной организации стал готовиться к своей первой поездке в Среднюю Азию граф А. А. Бобринский. Он был намерен добраться до Памира, восточная часть которого была присоединена к России. Но и западная часть высокогорного края была в центре внимания генерал-губернатора Туркеста-

на А. Б. Вревского⁸, который также был сторонником активного изучения региона. Подготовка к экспедиции Бобринского происходила на фоне заключения в 1895 г. соглашения между Россией и Великобританией, безусловно смягчившего более чем 20-летнее жесткое противостояние двух империй. Появились более благоприятные условия для изучения далекой новообретенной высокогорной окраины России на стыке границ Индии и Китая.

Вскоре к сборам в экспедицию присоединился Николай Васильевич Богоявленский⁹, которого за полгода до этого, летом 1894 г., по окончании Московского университета оставили ассистентом в Зоологическом музее. Молодого выпускника университета опекал профессор Н. Ю. Зограф¹⁰, который был активным членом ИОЛЕАЭ. Еще будучи студентом, Богоявленский был вовлечен в деятельность антропологического отдела Общества: был добровольным активистом, выполнял различные поручения, слушал выступления путешественников, читал их отчеты, становился свидетелем научных споров. Именно в ИОЛЕАЭ скрестились пути графа Алексея Бобринского и Николая Богоявленского, в будущем двух неразлучных спутников.

Руководители Общества, видя готовность графа Бобринского финансировать путешествие, хотели, чтобы поездка имела не ознакомительно-туристический характер, а прошла с пользой для науки. Совпадению интересов как самих путешественников, так и общественных во многом способствовал профессор Н. Ю. Зограф. Поэтому не случайно под его именем¹¹ был опубликован первый материал первой экспедиции на Памир.

В период подготовки к экспедиции ее участники следили за последними публикациями русских и зарубежных авторов о Средней Азии, за новостями оттуда. Поездка И. Л. Яворского¹² в Среднюю Азию летом 1894 г. привлекла их внимание. В конце того же года Яворский передал в ИОЛЕАЭ для публикации статью о своей поездке в горную часть Бухарского ханства и Самаркандскую область¹³, в ней много внимания уделено Макшеватской пещере.

Искандеркульская военная экспедиция

После первых сообщений Макшеватской пещере прошло четверть века, но дело не сдвинулось, вопросы, связанные с ней, не нашли должного ответа, а лишь обросли легендами и домыслами как местных жителей, так и неосведомленных путешественников. Информация в статье серьезно заинтересовала Зографа и Богоявленского.

Яворский высказывал предположение, что, согласно народной легенде, останки в пещере принадлежат воинам-согдийцам, которые отчаянно сопротивлялись грекам, оказались осажденными в пещере и там от голода погибли. Таким образом, в пещере могли быть останки как согдийцев, древних жителей региона, так и греков-завоевателей. Зограф признается, что именно это объяснение вызвало его интерес к привезенным черепам, особо его интересовали останки воинов Александра Македонского. Поэтому первая экспедиция графа Бобринского целенаправленно отправилась из Самарканда напрямиком в Макшеватскую пещеру исследовать захоронения, искать черепа, собрать и привезти образцы в Москву для дальнейшего лабораторного исследования.

О Макшеватской¹⁴ пещере на протяжении последних ста сорока лет писали многие (об этих авторах будет сказано позже), а начнем мы с первого посещения пещеры русскими исследователями. В июне 1870 г. А. П. Федченко оказался в сотне метров от Макшеватской пещеры: она была объектом его интереса, и он отправился обследовать ее, но его чуть ли не на пороге отговорили входить туда. Он стал первым автором, написавшим о ней. Приведем отрывок из его книги¹⁵.

«18 июня отправились с озера в обратный путь в Сорводу. На этом переезде я и некоторые другие лица заехали в боковое ущелье, где лежит кишлак Макшеват. Нас привлекли рассказы об обширной пещере, в которой будто бы нетленное тело святого¹⁶. Поднявшись далеко по ущелью верхом и пройдя еще в гору пешком, мы встретили А. Л. Куна¹⁷, который рассказал, что восхождение до пещеры крайне затруднительно. Ему пришлось сначала ползти по гладким и сильно покатым скалам, а потом его подняли

на поясе по узкой щели <...> Грот не обширен и составляет не более как узкую расщелину, дно ее покрыто землей, очевидно, навалившейся сверху через существующее отверстие. Через него же и провалился, вероятно, и человек, тело которого до половины находится в земле, а до пояса обнажено». Сам А. П. Федченко, услышав мнение А. Л. Куна, отказался от посещения пещеры. Путешествие было совершено в составе Искандеркульской военной экспедиции, которая была сформирована в апреле 1870 г. по приказу генерала Кауфмана по следующей причине. Согласно мирному договору 1868 г. между Бухарским эмиратом и Россией, ряд районов Бухарского эмирата отходил к России, в том числе территория Верхнего Зарафшана, где беки объявили о своей самостоятельности. Теперь Россия должна была реально присоединить эти районы к своей территории¹⁸. Генерал-губернатор Кауфман придавал большое значение исследовательской части военной экспедиции, он лично выбрал тех, кто должен был вести эту работу. Вот что пишет об этом А. П. Федченко: «Из специалистов были назначены генерал-губернатором в эту экспедицию: Д. К. Мышенков — по геологии, А. Л. Кун — по этнографии, лингвистике и истории, Аминов — для заведования топографическими съемками, произведшимися офицерами Скасси и Н. П. Старцевым, Л. Н. Соболев — для астрономических определений мест». Начальником экспедиции был назначен генерал А. К. Абрамов¹⁹. Сам А. П. Федченко с женой добровольно присоединился к экспедиции в начале июня 1870 г.

В составе Искандеркульской военной экспедиции А. Л. Кун руководил научной группой²⁰. К моменту ее формирования он был уже достаточно известным ученым. В том же 1870 г. в Макшевате побывали члены группы барона П. А. Аминова²¹, производившие в горах военно-топографические исследования верховий Зарафшана. Барон Аминов, со слов побывавших там членов экспедиции²², сообщает, что «в горах, куда поднялись с большими трудностями лица, пробравшиеся в это столь интересное, по сказаниям, место, не оказалось ни пещеры в истинном смысле этого слова, ни святого; путешественники встретили там лишь горную щель и стоявший в ней человеческий скелет, погруженный

по пояс в щепень». Барон Аминов высказывает предположение, что это скелет «какого-либо из горцев-пастухов, провалившегося в зимнее время в эту расщелину и в ней погибшего»²³.

Следует вспомнить, что А. П. Федченко из своей поездки 1870 г. привез в ИОЛЕАЭ коллекцию черепов из Фальгара и Матчи, которые позже стали объектом изучения А. П. Богданова²⁴. В те годы ученые путешественники-естествоиспытатели вели более широкие исследования, часто выходя за рамки своих дисциплин. А. П. Богданов²⁵ назвал биолога и географа А. П. Федченко «первым ученым, изучившим Туркестанский край с антропологической точки зрения»²⁶. Н. Ю. Зограф и Н. В. Богоявленский вышли из школы профессора А. П. Богданова, по инициативе которого в 1864 г. при ИОЛЕАЭ был создан отдел антропологии. Поэтому неудивительно, что Богоявленский проявил интерес к антропологическим исследованиям в будущей поездке. В практическом плане он и граф Бобринской могли получить инструкции от Зографа: всесторонне обследовать Макшеватскую пещеру, проверить на месте наличие древних захоронений.

Экспедиция графа Бобринского 1895 г.

Ранним майским утром 1895 г. из Москвы на юг России отправился поезд. Нашим путешественникам предстояло проехать по железной дороге от Москвы до Владикавказа, оттуда до Петровска²⁷, а там через Каспийское море и далее от Красноводска по Закаспийской железной дороге до Самарканда. В те годы обычно этот маршрут занимал девять дней.

Граф Бобринской в мае 1895 г. с помощью капитана Барщевского²⁸ сформировал экспедицию в Самарканд. Отправной точкой всех трех экспедиций Алексея Бобринского был Самарканд — именно там они формировались и завершались. Капитан Л. С. Барщевский, военный востоковед и коллекционер, присоединился к исследователям, помог им снарядить экспедицию, нанял проводников. Капитан уже побывал в Макшеватской пещере, последний раз — год назад, и, вероятнее всего, его участие в экспедиции было запланировано и взаимно согласовано заранее по просьбе руководителей ИОЛЕАЭ. Также возможно, что рекомен-

довал Барщевского Веселовский, он как археолог был заинтересован в разгадке тайны пещеры. Возможно, граф Н. Я. Ростовцев, военный губернатор Самарканда, командировал своего офицера, капитана Барщевского, помочь научной экспедиции графа Бобринского²⁹.

Итак, лошади для участников экспедиции приобретены, проводники готовы, караван снаряжен, и наши путешественники отправились в путь в горы Зарафшана. В последующих экспедициях А. А. Бобринской и Н. В. Богоявленский, снаряженные фотоаппаратурой, задержатся в Самарканде дольше, чтобы сфотографировать памятные места и архитектурные памятники, ближе познакомиться с городом.

Первоначально я располагал единственным свидетельством первой экспедиции Бобринского. Это была публикация профессора Московского университета, уже известного нам антрополога Н. Ю. Зографа «Череп из Макшеватских пещер», изданная А. А. Бобринским в 1899 г. под общим названием «Зарафшанские горы и Верховье Аму-Дарьи. Поездка графа А. А. Бобринского и Н. В. Богоявленского, 1895 г.» Н. Ю. Зограф в предисловии к своему исследованию написал: «Граф А. А. Бобринской и Н. В. Богоявленский передали мне для измерения и описания привезенные ими из поездки в русские Среднеазиатские владения и на Памире, совершенной ими в 1895 году, несколько черепов <...> добытых ими совместно с капитаном Л. С. Барщевским из холодной Макшеватской пещеры в 1895 г.»³⁰.

В своей первой статье³¹ о графе я не смог уточнить, что имел в виду Н. Ю. Зограф, когда к Зарафшанским горам прибавил слова «Верховье Аму-Дарьи», и каков был маршрут путешественников в 1895 г. Позже, когда статья была уже в печати, удалось найти убедительные доводы в пользу того, что граф А. А. Бобринской и Н. В. Богоявленский побывали на Памире в 1895 г. Но не только это. Стало ясно, что капитан Барщевский сопровождал их и помогал им неслучайно: его, опытного путешественника и знатока географии и культуры Средней Азии, связали с экспедицией, так как ее целью было добраться до Макшеватской пещеры.

Марина Магдалина Бломбергова, профессор Института археологии Университета Лодзи³², прислала по моей просьбе фрагмент путевых заметок Леона Барщевского. Согласно его дневниковым записям, он встретился с графом Бобринским и его спутником в Самарканде. Капитан Барщевский по просьбе графа помог им организовывать экспедицию в Зарафшанские горы и стал их проводником в первой части путешествия. Молодые ученые, по свидетельству Барщевского, в первый раз отправились в горы. Он повел их по направлению на Пенджикент, позже на Качрут — Сарвода, на морену послеледникового периода с красивыми озерами Курук Дара и Кули Калон. Этот маршрут дал возможность осмотреть громадные снежные лавины, великолепное озеро и позволил встать лицом к лицу с неприступными вершинами. Далее экспедиция, спустившись с перевала, перешла через реку Пасруд, недалеко от развалин крепости Сарвода, после чего через реку Искандердарья и ее приток Макшеват добралась до сакральной Макшеватской пещеры. Участники этой экспедиции были единственными путешественниками, которые согласились на предложение Барщевского провести ночь в очень тяжелых условиях этой подземной пещеры. По возможности они изучили в ней все, что их интересовало.

На время оторвемся от дневниковых записей Леона Барщевского. Он не пишет о цели и характере проведенной работы, нет и каких-либо других подробностей о том, что конкретно граф Алексей Бобринский и Николай Богоявленский проделали в пещере, и сами путешественники не оставили никаких записей ни тогда, ни после. Попытаемся найти объяснения этому. Прежде всего зададимся вопросом, что же они исследовали в пещере. Мы уже знаем со слов А. П. Федченко, что там увидел А. Л. Кун в 1870 г.

Посетители Макшеватской пещеры

Почти четверть века спустя, в 1894 г., И. Л. Яворский во время своего путешествия по Восточной Бухаре побывал в пещере в сопровождении уже знакомого нам капитана Л. С. Барщевского и дал ее подробное описание³³. Своими устными выступлениями

ми и публикациями Яворский оживил интерес к самой пещере и человеческим останкам в ней. И. Л. Яворский в своих утверждениях опровергал некоторые заявления, сделанные в 1870 г. Куном и бароном Аминовым (о них — немного ниже). Н. Ю. Зограф в своей работе «Черепка из Макшеватских пещер» приводит большие отрывки из описания Яворского, который придавал самому процессу восхождения к пещере большое значение. К тому же, будучи врачом по образованию, Яворский фиксировал даже физическое состояние, как свое, так и своих спутников: «Наконец мы достигли входа в пещеру. Но прежде чем осмотреться, пришлось несколько минут отдыхать, ибо чувствовался страшный упадок сил. Я сосчитал пульс у себя и у моих спутников, он был 140 ударов в минуту, дыхательные движения — до 40 в минуту. Было 9 с половиной часов утра»³⁴.

В разные годы в пещере побывали и другие посетители, но нам интересны те из них, кто был там во времена, близкие к путешествию графа Бобринского и его спутника. У писателя Мстиславского³⁵ в книге «Крыша мира» есть глава под названием «Макшеватская пещера», где рассказ от первого лица ведет тот, кто со своими русскими спутниками и проводниками-таджиками шел к пещере в 1896 г. Приведем этот рассказ в сокращенном виде — только то, что относится к самой пещере. Фрагмент показался нам интересным свидетельством, несмотря на то что написан в беллетризованной форме.

«Подъем начался сейчас же за селением, подъем жестокий, круто загнулась тропа на скат вверх, конца не видно. Заложили проводники посохи под локти, измерили ход, медленно качаются плечи в лад подъему: признак верный — идти далеко и тяжело. Замолчал поручик: подхватило под ложечкой. Часа через полтора сделали привал. Всухую: ни чаю, ни лепешек даже. Нельзя: к святому идем. После привала подымались уже молча: по трещине. Трещина западала все глубже.

Путь уперся в скалу. Шедший передо мною горец остановился, снял обувь и знаком предложил мне сделать то же. Мы, очевидно, подошли к священному месту. Дождавшись, пока я стянул свои ботфорты и чулки, он легким движением поднялся на выступ ска-

лы, преграждавшей нам дорогу, перебросился через ее невысокий гребень и исчез из глаз. Я перепрыгнул следом за ним — и чуть не вскрикнул. Я стоял на узком, покато — градусов сорок — карнизе, от края которого совершенно отвесно уходила вниз гора. Такой же отвес вверх, от верхнего края. Карниз гладкий, словно отполированный. Он тянулся шагов на шестьдесят к черной, причудливо змеившейся трещине. К ней быстрыми упругими шагами, балансируя всем телом, продвигался мой проводник. В первый момент я не мог сдвинуться с места: казалось, легче было бы пройти по канату, чем по этому крутому парапету, срывавшемуся в бездну, на дне которой спичечными головками чернели мачтовые сосны макшеватского бора. Тронусь — сорвусь <...> Но окрик за мной подымавшегося горца толкнул меня вперед. Я ступил: босая нога нащупала упор, должно быть, дождем выбитая ямка. И дальше чуть заметные глазу царапинки и вымоины. Кожа ног доподлинно въедалась в эти зацепы <...>

После косого парапета легким виделся подъем по каменной лестнице. Я полез вверх. На площадке место двоим, не больше. Горец прилег и осторожно втянул свое тело в расщелину, шедшую наклоном вверх — казалось, внутрь горы. Я пополз за ним. И на деле уже через несколько шагов расщелина закрылась за нами; царапая колени о выступы каменного хода, в совершенной темноте мы протаскились сажени четыре, быть может, больше: напряжение было слишком велико. Наконец я скорее почувствовал, чем увидел, что горец встает на ноги. Поднял руку — свода над головою нет. Я приподнялся и чиркнул спичку. Мы были в пещере. Проводник торопливо достал из-за пазухи тоненькую восковую — совсем как в наших церквах — свечу и затеплил ее о мою догоравшую спичку. Красноватые дрожащие блики легли на темные порфиновые стены, прорезанные по самой середине свода ослепительно-белой жилой мрамора. В углу, полузасыпанная пометом, желтела грудa черепов.

Сзади послышалось тяжелое прерывистое дыхание. Я вспомнил о своих спутниках. Они подтягивались один за другим. Никто не сказал ни слова. Мы даже не посмотрели друг на друга. Кто-то из горцев размотал тряпицу: свечи св. Исхаку — по тениге свечка.

Мы купили по одной, доктор, поколебавшись, взял две. Продавец отобрал у нас купленные свечи, и, опустившись на колени, прополз под аркою, отделявшей нас от второй пещеры. Следом за ним, низко пригнувшись, прошли и мы.

Вторая пещера была обширнее. И здесь верхний свод пересекался беломраморной жилой и пол засыпан был сухим пометом голубей, самих птиц не было видно. Горцы столпились у восточной стены, у бугра, накрытого ветхой рваной серою тканью. Покров сняли: мы увидели темное туловище, запрокинутую назад голову. Тело по пояс в скале, левая рука висит вдоль ребер плетью, как переломленная, правой, круто согнутой в локте, Исхак упирался в скалу. Кисть истлела: четко белели на темном порфире фаланги пальцев.

Горцы полукругом присели на пятки — к молитве, свечи поставили рядом вокруг коричневой, обвисшей лоскутами тленной кожи спины святого, череп у Исхака длинноголовый, очевидно, из древних насельников. Волоса светло-русые: пучки их сохранились на исчерна-темном темени. Тот, что вел меня, забормотал торжественно незнакомую мне молитву. Он обрывал ее через размеренные промежутки, и горцы хором тихими взволнованными голосами повторяли последние слова законченной молитвенной строфы:

— Милостив бог, многомилостив...

Полумрак пещеры, оскал зубов сквозь прорванную кожу щек многолетней мертвой головы, зыбкое мерцание свечей, зауспокойные голоса молящихся странной жутью застилали пещеру <...> Неожиданно поручик перекрестился».

Этот сокращенный отрывок из прозы Мстиславского³⁶ кажется достаточно достоверным и в том, что касается труднодоступности пещеры, и в описании поведения проводников-таджиков. Отрывок частично подтверждает и то, о чем писал Федченко со слов Куна в 1870 г. Мстиславский (Масловский) в 1896–1899 гг., будучи студентом Петербургского университета, совершил четыре поездки в Среднюю Азию, изучал местные языки, посетил восточную часть Бухарского эмирата и предгорья Памира³⁷. Он участвовал в антропологической экспедиции в Восточной Буха-

ре, его путь пролегал от Самарканда до Анзобского перевала, видимо, тогда-то он и побывал в пещере³⁸.

С конца XIX столетия многие исследователи различных профессий по разным мотивам интересовались Макшеватской пещерой. Нам известны те из них, кто написал и опубликовал впечатления о своем посещении подземелья. Среди них И. А. Бржезицкий, И. Кастанье, Н. Н. Корженевский, Н. Бетгер, М. А. Хашимов³⁹. Последним в этом списке оказался современный таджикский прозаик Фирдаус Шукуров⁴⁰.

В сентябре 1990 г. в Макшевате работала семидневная экспедиция краеведов из Ферганы, чтобы «увидеть святыню, собрать сведения о ее происхождении, связанные с ней легенды и поверья». О проделанной работе опубликована статья В. Л. Огудина⁴¹. Краеведы выяснили, что Макшеват посещает множество паломников, 50–60 человек в день⁴², из Таджикистана, Ферганской долины и Южного Казахстана. Извлечем информацию о пещере и прохода к ней из этой статьи (в сокращенном виде): «Серпантины приводят к источнику Пандж Чашма (2700 м над у. м.) Здесь из трещины в скале вытекает струйка воды. Считается, что святой Ходжа Исхак проткнул скалу пальцами, желая добыть из нее воду для своих спутников.

Несколько выше этого места тропа становится пологой и достигает неглубокой ложины (2850 м над у. м.). Под арчой устроена чиллахона (помещение для сорокадневных уединений) <...> Тропа из чиллахона к пещере вначале идет по осыпям и несложным скалам. Затем паломника ожидает наиболее опасная часть пути. На протяжении семидесяти метров тропа идет по выступу шириной 0,5–1,5 м вдоль отвесной скалы — обрыв глубиной 200–250 м. Далее идет вверх вертикальная стенка с множеством естественных углублений, служащих ступенями при подъеме. Над ней нависает камень, за которым начинается расщелина, ее края в глубине образуют вход в пещеру. К нему надо подняться по небольшим каменным уступам. Вход в пещеру (3110 м над у. м.)⁴³ обращен на запад. Общая длина пещеры около 100 м, средняя ширина 3–5 м, высота 8–12 м. Пещера заканчивается двумя большими залами. Ощущается поток холодного воздуха, идущий

из пещеры. Мумифицированные останки человека, почитаемые как тело святого Ходжи Исхака Вали, примерно в пяти метрах от входа, возле стены, несколько в стороне от естественного окна в кровле. Перед мумией небольшая ровная площадка, от которой начинается спуск на две стороны — вглубь пещеры и к выходу. Мумия находится в вертикальном положении. Она по пояс вкопана в землистые отложения. Тело окружено полукольцом камней. Правая сторона и лицо мумии обращены к выходу, они сильно испорчены временем, видны кости скелета. На спине и затылке сохранилась кожа, видны короткие рыжие волосы. Правая рука согнута в локте и практически отделена от плеча. Тело обращено на юг, голова повернута на запад-юго-запад <...> Приписываемое мумии древнее происхождение (1200–1400 лет) отражает лишь желание местного населения отнести ее ко времени становления ислама в Кухистане⁴⁴. По впечатлениям автора, в народе сложились устойчивые представления о силе святого».

Два приведенных отрывка по содержанию не противоречат друг другу, за исключением расположения мумии. В статье Огудина истлевшая фигурка находится в пяти метрах от входа, то есть в одном открытом пространстве с входом, у Мстиславского мумия расположена во второй пещере. Примерно так же описывает расположение мумии Яворский, побывавший в пещере в 1894 г., за два года до Мстиславского. В поисках объяснения этому приведем слова Яворского: «Низкая, сложенная из обломков скалистой стены пещеры полукруглая ограда отделяет эти стены от остального пространства пещеры».

Вспомним описание Мстиславского: проводник «опустившись на колени, прополз под аркою, отделявшей нас от второй пещеры. Следом за ним, низко пригнувшись, прошли и мы. Вторая пещера была обширнее. Горцы столпились у восточной стены, у бугра, накрытого ветхой рваной серою тканью. Покров сняли: мы увидели темное туловище, запрокинутую назад голову».

Это означает, что местные жители после посещения Яворского в 1894 г. и графа Бобринского с Богоявленским в 1895 г. достроили стену, оградил истлевшую фигуру полукруглой стеной, а низко посаженная арка послужила входом. Она же низким

своим расположением заставляла любого входящего пригнуться, а значит, находиться в низком поклоне при входе по отношению к фигуре святого, и чужой, не проявляющий уважения к святыне, невольно пригнется перед мумией. Для тех же, кто считал пещеру святым местом, было важно, чтобы посетитель, особенно паломник, после входа в пещеру сразу не наткнулся на фигуру Ходжи Исхака. Паломнику надо дать время отдышаться, успокоиться, подготовиться к встрече с объектом поклонения, собраться с мыслями и гармонизировать их с эмоциями, начать подготовительные молитвы и только потом пройти в загороженное место, где расположена мумифицированная фигура. Здесь паломник должен поставить свечу или горящий факел перед собой, произнести мысленно в форме молитвы свою просьбу, обращаясь к фигуре. Позже, в советское время, ограду снесли или она сама разрушилась, паломников стало много, начал расцветать бизнес вокруг пещеры и несчастной фигуры, стало не до традиций и связанных с ними условностей: надо было поднять пропускную способность самой пещеры, расширить ее. Особое мистическое состояние, таинственно-возвышенные чувства, которые должны рождаться у паломника при встрече с объектом поклонения, уже никем не учитывались, а некоторое время спустя о них и вовсе забыли. Паломничество становилось «галочным мероприятием».

Граф Бобринской и его спутники в Макшеватской пещере

Однако вернемся к скупой информации из дневниковых записей 1895 г. капитана Барщевского: «Добрались до сакральной Макшеватской пещеры. Участники этой экспедиции были единственными путешественниками, которые согласились провести ночлег в очень тяжелых условиях в той подземной пещере. По возможности они изучили в ней все что их интересовало».

Безусловно, граф Бобринской и его спутники добрались до пещеры с еще большими трудностями, чем любые другие посетители. Ведь за словами Барщевского «молодые ученые в первый раз отправились в горы» кроется мысль, что им было очень трудно. Автору этих строк пришлось вести по горам новичков, впервые ступивших на горную тропу. Самый простой подъем, не

над пропастью, а по нормальной тропе вверх, требует от новичка невероятных усилий, преодоления собственного бессилия, мобилизации воли. К тому же пещера находится на высоте более трех тысяч метров над уровнем моря в условиях разреженного воздуха, где каждый шаг дается с великим трудом: грудь словно в стальных тисках, ноги обложены свинцом, шага не сделаешь...

Яворский и его спутники провели в пещере, судя по записям, 1 час 45 минут. По его словам, за первой пещерой расположена вторая, лежащая глубже, между собой они связаны узким проходом. А за ними — третья пещера, «которая очень обширна и дно которой ниже, чем у предыдущих, на несколько саженей»⁴⁵. Яворский признается, что из-за отсутствия необходимого снаряжения он не смог спуститься и обследовать крайнюю пещеру.

Наши исследователи в отличие от обычных посетителей работали там несколько часов, обследовали пещеру всесторонне, как пишет Зограф, им удалось посетить все четыре пещеры, объектом их пристального внимания было наличие других человеческих останков. Барщевский обнаружил, что год назад черепа и кости лежали прямо на дне пещеры, а теперь «оказались спрятанными в такие скрытые места, что для разыскания их приходилось отваливать камни и проникать в разные трещины и углубления». После посещения Яворского паломники или местные жители предали человеческие останки в пещере земле, проще говоря, «спрятали» — захоронили их, однако в нижних пещерах наши исследователи обнаружили прежнюю картину. Они «не видели знаков уважения перед теми черепами, которые находились» там. Здесь и были отобраны черепа и кости для последующего исследования в Москве. При этом Барщевский успокоил проводников, что это останки «слуг» Ходжи Исхака, и таджики не «особенно протестовали против похищения этих черепов». После произведенных Богоявленским пробных раскопок «под останками трупа обнаружили полуистлевшие позвонки и части тазовых костей». По его мнению, они разрушились от таяния льда и снега, попадающих в пещеру, от увлажненности ее дна.

Сам характер работы подсказывает нам, что Богоявленский был ведущим в «макшеватском деле». Вероятно, он же был эн-

тузиастом в продвижения самой идеи посещения и исследования пещеры. Статья Яворского об этой пещере воодушевила его, появилась интрига для возможного научного открытия: обнаружения там останков воинов, согдийцев и греков. Богдаевский был талантливый зоологом, а в широком плане — натуралистом, профессионально подготовленным к подобной работе, так как был ассистентом Н. Ю. Зюгана⁴⁶, достаточно опытного антрополога.

Эта работа требовала времени, ее не хотели прерывать, день клонился к вечеру, надо было ждать следующего дня. Если бы прервались рано, то для продолжения работы на другой день пришлось бы снова идти в пещеру, а судя по описанию подъема, спуск был еще тяжелее и опаснее, особенно в вечерних сумерках. Яворский подтверждает это: «В 11 ч. 15 м. утра мы начали спускаться из пещеры. Спуск был еще труднее, чем подъем. Никогда не забуду того чувства беспомощности, когда, висая на чалме, я тщетно старался найти для ног какую-либо опору, а руки мои скользили по гладкой поверхности скалы».

Граф Бобринской и его спутник остались ночевать в пещере, чем немало удивили много повидавшего Барщевского. По его свидетельству, они были «единственными путешественниками, которые согласились провести ночлег в подземной пещере», а на деле остались на ночь в «братской могиле».

Профессор Бломбергова прислала мне также копию единственной сделанной в Макшеватской пещере в 1895 г. фотографии, которую она нашла в архиве Барщевского в Польше. Судя по ее письму, двое, изображенные на ней, — это Бобринской и Барщевский. Один из них, безусловно, Барщевский, но второй не имеет никакого сходства ни с Бобринским, ни с Богдаевским. Видимо, снимок сделан не в 1895 г., а годом раньше, и рядом с капитаном на снимке И. Л. Яворский. В 1894 г. во время посещения пещеры фотоаппарат имелся, об этом пишет сам Яворский. Но для того, чтобы убедиться, что на фотографии рядом с Барщевским именно Яворский, необходимо найти его фотографию. Пока поиски не увенчались успехом.

Фотографии, снятые самими путешественниками в 1895 г., в архиве Института этнологии и антропологии не обнаружены.

Скорее всего, их и не было, хотя вызывает сомнение, что у капитана Барщевского не было с собой фотоаппаратуры и что съемки в этой поездке не производились вообще. Возможно, снимки были, но потеряны — не сохранились в Польше в его коллекции. Возможно, Богоявленский в 1895 г. на ходу получил у Барщевского первые уроки по фотографии, и в следующей поездке Бобринской снарядил его полным набором фотоаппаратуры и даже походной лабораторией по обработке стеклянных негативов.

Обращаясь к разным источникам, мы достаточно близко познакомились с Макшеватской пещерой. Попробуем подвести первые итоги путешествия наших героев в это загадочное высокогорное подземелье.

Макшеватская пещера

Из сравнения разных описаний пещеры становится ясно, что если во время посещения Бобринского и Богоявленского она состояла из четырех отсеков, или залов, то в наши дни «пещера заканчивается двумя небольшими залами». Налицо внутренние изменения в конфигурации самой пещеры, причиной которых могут быть как природные явления, так и рукотворные действия.

Кун, а вслед за ним барон Аминов утверждали, что никакого святого там нет: будто некий человек (горец, пастух) провалился через расщелину в пещеру и там погиб, а кто-то, увидев труп, перепугался, стал рассказывать ужасы и небылицы в кишлаке, и на этом фоне родились легенды о святом. Яворский им отвечает, что вход в пещеру расположен снизу, что «единственное отверстие выше пола пещеры <...> через него нельзя провалиться в пещеру, ибо наружная сторона отверстия находится в отвесной скале, составляющей переднюю сторону всей горы, в которой расположена пещера». Слова Яворского подтверждают другие путешественники, описывая подходы к пещере. У Огудина сказано: «Над ней нависает камень, за которым начинается расщелина, ее края в глубине образуют вход в пещеру». У Мстиславского: «Горец прилег и осторожно втянул свое тело в расщелину, шедшую наклонном вверх, казалось, внутрь горы. Я пополз за ним».

Яворский завершает свою аргументацию тем, что через отверстие не проходят солнечные лучи, «равно не может сюда попасть и лошадь, так что нельзя не удивляться словам Куна». Последние слова Яворского относятся к Куну, который доставил Федченко из пещеры человеческие кости и обломок лошадиной челюсти.

Если люди и животные не могли провалиться в пещеру по несчастию, случайно, то возникает вопрос: как же попали туда останки людей? Зограф пишет, что граф Бобринской и Богоявленский не высказали определенного мнения о том, как могли попасть в пещеры черепа. Сам он предполагает ситуацию, когда местные жители или паломники оказались зимой в пещере при непогоде, холоде, произошло обледенение спуска, и они погибли. Очевидно, что зимой люди, если только они не альпинисты, не смогут подняться до входа в пещеру. Далее он высказывает другое предположение: в пещеру «по соседству с Ходжа Исхаком могли быть намеренно внесены трупы лиц, почему-либо дорогих селению или уважаемых его населением». Однако вряд ли в обозримом прошлом в пещеру могли доставлять тела умерших: это было связано с огромными трудностями, а порой и с риском. В пещере, судя по описаниям, нет следов традиционного захоронения. Зачем же было доставлять сюда тело и не предавать его земле, что в корне противоречит общепринятым исламским обычаям?!

Зограф и Богоявленский считают, что «эти черепа и сам труп Ходжи Исхака сравнительно недавнего происхождения. Некоторые из черепов чрезвычайно близки к черепам современных обитателей Туркестанского края, особенно таджиков, что больше заставляет сомневаться в их глубокой древности». Трудно согласиться с последней частью их рассуждения и приведенной аргументацией о недавнем происхождении черепов. Вполне возможно, что человеческие останки в пещере относятся к недавнему прошлому, но их близость к антропологическим чертам таджиков не может служить доказательством того, к какому временно-му периоду они принадлежат. Местные жители в верховьях реки Зарафшан в условиях относительной изолированности могли сохранять достаточно долго свою неизменность по основным антропологическим признакам. Они, как пишет Яворский, «хорошо

сохранили арийский тип», и только у некоторых видны «примеси монгольской крови»⁴⁷. Таджики — автохтонное население этой местности, конечно, происходили смешения с другими народами, в том числе с монголоидами, и все же как Яворский, так и последующие исследователи едины в том, что в высокогорных труднодоступных ущельях таджики в большей степени сохранили свой индоиранский антропологический тип. В Ягнобе бытует восточно-иранский язык, близкий согдийскому.

Однако из рассуждения Зографа вытекает другой вывод: он, а вслед за ним и Богоявленский, возможно, искали следы не далекого или недавнего прошлого автохтонного населения, а греков и македонцев. Зограф на первой странице своего труда пишет о близости Макшеватской пещеры к реке Искандердарья и озеру Искандеркуль, названных в честь Александра Македонского, о котором сохранились легенды среди местного населения. Далее он приводит слова Яворского о том, что в этих местах некоторые жители называют себя «македони», то есть «потомки македонян». По сути, аргументы Зографа и Богоявленского не связаны с древностью или молодостью самой мумии. Им хотелось найти прямую связь греков-македонцев с мумией и черепами или косвенную — через согдийцев, воевавших с ними.

Зограф и Богоявленский не смирились с тем, что в 1895 г. не удалось найти явных следов греческих войск. Три года спустя, в мае 1898 г., Богоявленский в составе второй экспедиции графа Бобринского прошел снова по ущельям и долинам реки Зарафшан и в публикации 1901 г. сообщал: «Жители пройденного пути называют себя таджиками. По литературным данным (д-ра Яворского) в этом месте, как и в долинах рек Заравшана, Фана и т. д., сохранилась масса легенд об Александре Македонском, чему свидетельствует и название озера Искандеркуль (в переводе означает “Александрово озеро”), и даже есть указание (д-ра Яворского) на то, что местные жители называют себя Македони, признавая себя остатками полчищ, пришедших с Александром Македонским»⁴⁸.

Как оказалось, участники экспедиций 1898 г. приложили много усилий, чтобы разыскать в этих горных долинах потомков легендарного полководца. Богоявленский в своей статье признается:

«Как мы ни старались, но нам не удалось нигде слышать имени Македони, да и само слово это неизвестно. Коренное название всех жителей — таджики»⁴⁹.

Из истории известно, что второй селевкидский правитель Антиох I Сотер был рожден от брака Селевка (одного из главных наследников Александра) с согдианской принцессой Апамой. Согд и Бактрия в течение 62 лет входили в состав греческого Селевкидского государства, наследником которого на этой территории в 250 г. до н. э. стало Греко-бактрийское царство⁵⁰, оно просуществовало еще 125 лет. С исторической точки зрения это достаточно короткий срок. Греко-бактрийское царство было сметено мощным вторжением тохаров и саков, восточно-иранских кочевых племен, родственных согдийцам и бактрийцам. К тому же воины Александра ко времени завоевания Согда в этническом плане были разнородными и разноликими: войска в значительной степени были сформированы в завоеванных странах. Высока вероятность, что какие-то остатки греческих войск и осели в Средней Азии, в том числе в Согде, но они были ассимилированы местным населением еще до наступления новой эры.

Из всех, кто побывал в Макшеватской пещере в конце XIX в., наиболее подготовленным к исследованиям исторического и этнографического характера был, безусловно, А. Л. Кун. Он прошел школу знаменитого Мирзы Александра Казым-Бека⁵¹, первого декана факультета восточных языков Петербургского университета, владел арабским, персидским, турецким языками, учился у известного востоковеда, историка В. В. Григорьева⁵², который перед его отъездом в Среднюю Азию просил его снабдить Петербургский университет первичными материалами (документы, рукописи, археологические и этнографические находки и т. д.), чтобы столичные востоковеды могли изучать Среднюю Азию⁵³.

В 1870 г. А. Л. Кун первым обосновал родство ягнобцев с согдийцами⁵⁴. Он собрал обширную коллекцию восточных рукописей. Созданный им «Туркестанский альбом» считается уникальным творением. Одним словом, Александр Людвигович за свою короткую жизнь проявил себя как деятельный и талантливый ученый.

Вернемся к тому, что записал с его слов Федченко: «Грот не обширен и составляет не более как узкую расщелину, дно ее покрыто землей <...> очевидно, навалившейся сверху через существующее отверстие. Через него же провалился, вероятно, и человек, тело которого до половины находится в земле, а до пояса обнажено». Похоже, А. Л. Кун, уставший от подъема, бегло осмотрел загороженное пещерное помещение и быстро покинул «грот», захватив с собой человеческие останки и обломок лошадиной челюсти.

Однако, скорее всего, дело было совсем по-другому: Кун, фактически уговорив Федченко не ходить в пещеру, хотел своей однозначной оценкой отвлечь новых незваных гостей⁵⁵. Его активная плодотворная деятельность до и после посещения Макшевата указывает на то, что его весьма «скоропалительная» оценка умышленна и продиктована определенными обстоятельствами. Напомним, в Макшеват А. Л. Кун прибыл в составе крупного вооруженного отряда генерала Абрамова⁵⁶. Кун и его исследовательская группа были частью военной экспедиции, состоявшей из 250 казаков, 100 пехотинцев, с артиллерийскими горными орудиями. Обстановка была достаточно сложная: 25 июня, неделю спустя после посещения Куном пещеры, произошло столкновение с серьезными людскими потерями с обеих сторон⁵⁷. Мне думается, Куну не хотелось, чтобы русские военные посетили пещеру и вызвали недовольство местного населения. Востоковед был окружен военными, и, учитывая то, что жители Макшевата впервые увидели русских да еще вооруженных, можно отметить, что атмосфера для изучения святого места была для него не самая благоприятная.

Александр Людвигович показал себя человеком творческим, способным на неординарные действия. К примеру, он привлек к работе своей группы таджика Абдурахмона Мустаджира⁵⁸, которому поручил вести дневник. Ученый снабдил своего помощника определенным руководством на таджикском языке и научил методике ведения ежедневных записей. Каждый день Кун проверял и дополнял дневник помощника. Одним из первых на важность этого документа обратил внимание А. Л. Хромов⁵⁹. А вот другой

пример. А. Л. Кун в Ягнобе встретил местных жителей, говоривших на особом языке, и добился разрешения генерала Абрамова увезти троих из них с собой в Самарканд⁶⁰. Там лингвист, ближе познакомившись с ними и с их языком, первый определил их прямую связь с согдийцами.

В пещере А. Л. Кун был со своим помощником Абдурахмоном Мустаджиром, который очень кратко описал то, что видел: «Дошли мы до села Махшеват, гору над ним называют Джонвархона. В этой горе пещера, внутри которой святой Ходжа Исхаки Вали. В древние времена он воевал с кафирами, получил стрелу в грудь, будучи раненый, перебрался в пещеру, где повернулся в сторону киблы [Мекки] и стоя расстался с жизнью, стал шахидом. Тело святого ниже пояса погребено голубями [голубиным пометом], а выше пояса облик святого не изменился, кожа да кости обсушились, но и поныне узнаваем лик его»⁶¹.

Написанное противоречит тому, что Кун говорил Федченко, а ведь Александр Людвигович проверял, дополнял и, если надо, исправлял написанное помощником. В этом случае он не счел нужным исправить то, как увидел и воспринял пещеру Мулло Абдурахмон Мустаджир. К тому же нужно принять во внимание, что Кун был очень занят, руководил научной группой, которая, выражаясь современным языком, была комплексной научной экспедицией⁶². Кроме того, он оказался в тисках военной операции и военного командования. В это время ученому-востоковеду явно было не до пещеры, но он не мог допустить возможного бестактного действия по отношению к святыне таджиков-крестьян села Макшеват. Кун не внес изменения в дневник и позже, когда написал предисловие к нему.

Яворский, врач по профессии, не имел классического востоковедческого образования Куна, его разнопланового опыта востоковеда, однако он много общался со знатью — афганской, таджикской, узбекской. В отличие от барона Аминова, профессора Зографа и Богоявленского у него был практический опыт⁶³ близкого знакомства с местной культурой, обычаями и традициями в Бухаре и Кабуле. И он имел одно существенное преимущество перед Куном: времени у него было достаточно, кроме пещеры

других забот у него не было. Он осмотрелся и попытался дать объяснения тому, что увидел в пещере: «Я заметил воткнутыми небольшие факелы и остатки сальных свечей. Из расспросов оказалось, что это приношения останкам описываемого святого <...> со стороны приходящих на поклонение ему мусульманских паломников. Каждый из них старается поставить перед святым или зажженную сальную свечу, или же факел, состоящий из прута или лучины, обвитых насаленною хлопчатой бумагой».

Далее Яворский называет это действие чисто арийским обычаем чествования святыни, однако не расшифровывает, в чем оно конкретно заключается, а только приводит в качестве аргумента, как доказательство древнего происхождения самой мумии. Безусловно, приведенный обряд имеет древние восточно-иранские корни, однако не может служить доказательством древности мумии. В то же время Яворский искал святость в феномене Ходжи Исхака как мусульманского святого, потому через обряд связал его с далеким *исламским* прошлым местных жителей и их предков.

Попробуем рассмотреть пещеру и находящиеся там человеческие останки с точки зрения исламских традиций и доисламской культуры таджиков. Однако сначала приглядимся к самой мумифицированной фигуре, которая находится в своем труднодоступном подземелье по меньшей мере уже несколько столетий.

По мусульманским канонам и традициям всех ветвей ислама, останки должны были похоронить в тот же день, как только обнаружили мумию. Тело, лишенное души, должно было непременно предано земле. Огудин в своей статье проливает свет на историю обнаружения мумии: «По рассказам, мумия была обнаружена в начале прошлого (XIX) века. Житель Макшевата Мулло Курбон охотился в верховьях ущелья и подранил козла, но тот убежал по скале и вдруг неожиданно исчез. Последовав за ним, охотник сделал поразительную находку. Ко времени русской колонизации края нетленное тело успело обрасти мусульманскими легендами»⁶⁴. Выглядит логично и достоверно, легенды также приводятся. Однако далее автор предполагает: «Вероятно, пещера служила местом поклонения задолго до того, как в ней появи-

лась мумия»⁶⁵. В дальнейшем она была каким-то образом забыта, но со временем ее «открыли» вновь. Жаль, что этот тезис не разработан в статье.

Возникает, впрочем, вопрос: когда охотник Мулло Курбон обнаружил мумию, то почему сразу же не похоронили бездушное истлевшее тело? Если бы местные жители восприняли его как мусульманского святого, то его останки вынесли бы из пещеры и похоронили бы на какой-нибудь открытой возвышенности, построили бы над могилой *мазар*, а рядом мечеть, а еще позже медресе. Или похоронили бы в самой пещере, и тут над захоронением возник бы *мазар* — надгробие, благоустроили бы пещеру внутри. Многие проявили бы усердие в захоронении святого, ибо сделать благое дело — значит получить от Всевышнего *баракат* (благословение).

Но местные жители останки не похоронили. Почему? Единственный ответ: боялись! Ими руководила сила другой, более древней традиции, сохранившей свое влияние до конца XIX в. В этом случае рассказ об обнаружении мумии Мулло Курбоном трудно принять как реальную историю. Эта версия в целом весьма сомнительна из-за утверждения, будто только в начале XIX в. обнаружили такую большую пещеру. Я родился на Памире и провел там свое детство. Мы, дети, знали в окружавших нас горах каждую впадину, каждое укромное местечко в загромождениях скал и камней, знали, где могут оказаться отбившиеся от стада козлята. Вероятнее всего, легенду придумали для русского военного отряда, который появился в этом изолированном заповедном месте в июне 1870 г.

В рассказе Фирдавса Шукурова «Зов предка» герой расспрашивает жителей кишлака Макшеват о святом. Один из них «высказал предположение, что Ходжа Исхок находится в пещере» еще с доисламских времен. Сидящие там мужчины «молча покачивали головами» — соглашались с ним. А если соглашались, значит, знали нечто больше, но молчали, не хотели случайно проговориться. Герой рассказа удивляется словам старика, жителя кишлака, что он «в пещере не был и не знает никого из кишлачных людей, который бы решился на это». И в первом, и во втором

случае жители кишлака Макшеват беседуют со своими гостями, молодыми таджиками, на родном языке, при этом один из них имеет родственные связи со стариком. Мы здесь наблюдаем степень доверия другого уровня, чем встреча перепуганных местных жителей с военным отрядом генерала Абрамова в 1870 г. или даже с группой краеведов из Ферганы в 1990 г.

Фраза, сказанная старым жителем кишлака о том, что он и его односельчане никогда не посещали пещеру, выглядит правдоподобной. Старик отговаривал, просил молодых горожан не ходить в пещеру, думаю, делал он это искренне. Но в этом-то загвоздка. Обычно местные люди повсеместно в Таджикистане радуются, если гости или путники проявляют уважение к какой-либо местной святыне. Сами советуют: «сходите к *мазару*», или «попейте родниковой воды из святого источника», или «прикоснитесь к почитаемому дереву». «*Кори савоб, барака мегиред, ба муроду максадатон мерасед*» («Благое дело, благословение получите, ваши желания исполнятся»), — говорят они при этом. А тут пожилой человек почти умоляет их не ходить в святое место и тем самым подкрепляет нашу догадку, что они знают нечто, о чем не говорят никому. Старик не сказал больше того, что мог сказать, ибо не мог преступить табу.

В 1974 г. ленинградский этнограф Рахмат Рахимов пытался собрать сведения у себя на родине, в Зарафшанской долине, об отношении к умирающему человеку жителей в верховьях реки Шинг⁶⁶. До него дошли рассказы, что в этих местах умирающего человека переносили из жилого помещения в другое, нежилое, когда становилось очевидным, что смерть неминуема. Обреченный умирал в одиночестве. Для подтверждения дошедших до ученого сведений он отправился в кишлак Рогич, при этом он располагал очень ограниченным временем. В кишлаке Рахимов ничего не узнал, его практически заперли в помещении, а утром ему надо было возвращаться. Водитель на обратном пути в конечном итоге признался, что знал, зачем вез гостя в свой кишлак: «Да, Вас интересует, как мы изолируем умирающего от окружающих. У нас не одобряется, когда безнадежно больной умирает в жилом помещении». — «Почему?», — спросил Рахимов. Водитель от-

ветил, что не знает причину: «Обычай такой...». Далее Орзикул (так звали водителя) разговорился и рассказал на примере этого обряда много интересного из сохранившегося в кишлаке Рогич древнейшего пласта духовных воззрений восточных иранцев. Основная причина обряда — это сохранение огня, ангела хранителя дома: надо уберечь его от демонической скверны — черноты (*сиёхи*), идущей от смерти. В данном контексте, *сиёхи* — это не тьма, обусловленная отсутствием источника света. *Сиёхи* (*терзехт* на шугнанском языке) — это мощная субстанция, словно нейтронная бомба, не имеющая звука, цвета, запаха, однако способная разрушить все в доме усопшего. Р. Р. Рахимов в своей замечательной книге очень точно обозначил эту субстанцию демонической силой⁶⁷. В пограничной временной зоне от жизни к смерти никто и ничто не может противостоять демону смерти, он всемогущ. Важно не раздражать его, проявить покорность, не показываться ему, не высветляться ни светом, ни огнем. Его *сиёхи* должен делать свое черное дело во тьме, без света, огня и тепла. В этих условиях в течение трех дней и ночей он потеряет свою силу, после чего специальная церемония с жертвоприношением создаст условия для возвращения огня в дом, и это будет началом очистительного процесса снятия черноты — *сиёхи*.

Опыт Р. Р. Рахимова подсказывает нам предположение, что в Макшевате в середине XIX в. сохранился тот же обычай, что и в верховьях реки Шинг. Возможно, пещера служила «помещением для умирающих»⁶⁸.

Абдурахмон Мустаджир со слов крестьян, жителей Макшевата, записал название пещеры над кишлаком — Джонвархона, в прямом переводе на русский язык — «обиталище животных». *Джон(о)вархона* можно перевести с таджикского и так: «место, куда приносят жизнь / душу». И в том и другом случае это название пещеры, а не горы, в которой она расположена. Можно предположить, что туда, в труднодоступное горное подземелье, приносили умирающих больных, где они расставались с жизнью. Тогда становится понятным, почему жители кишлака скрывают это. Если так, то фигура мумии может быть в том числе и останками воина, который защищал родину: он мог быть смертельно

ранен, и ему суждено было умереть, по обычаю, в пещере, в одиночестве или в обществе таких же обреченно умирающих, как он. Для жителей он — *арво* (дух предка, возможно, пращура для большинства жителей кишлака).

Культ предков у восточных иранцев — один из фундаментальных пластов их верований на протяжении многих тысячелетий. На память приходит таджикская поговорка «*судо зада бош, арво зада мабош*», согласно которой предпочтительно быть проклятым Богом, но не духами предков. И у меня на родине, в Шугнани, духами предков клялись в последнюю очередь, равно как очень редко к кому обращались с просьбой во имя духа предков (*ба номи арвогон*). Это был тот этический бастион, к которому прибегали в последнюю очередь и в случае самой крайней необходимости. Когда подобное происходило, то это было чрезвычайным событием, его помнили как в роду, так и в селении, передавали как легенду из поколения в поколения. Даже в середине XX в. этот этический бастион — культ *арво* с более чем четырехтысячелетней историей — существовал в реальной жизни, и я в детстве неоднократно слушал эпизоды из истории моих предков.

Независимо от мумии святого Исхака и от всего нами сказанного место над кишлаком Макшеват само по себе с точки зрения доисламских верований можно считать в высшей степени благоприятным для поклонения. Здесь мы видим источник на высоте 2700 метров над уровнем моря, здесь же стоит арча (можжевелик) и расположена большая труднодоступная пещера необычной внутренней конфигурации. Каждое из трех названных чудес само по себе могло стать объектом поклонения. Источник родниковой воды, вытекающей из трещины в скале, да еще на такой высоте, просто обречен быть местом поклонения. Он назван Пандж Чашма (Пять источников). Видимо, вода изначально струилась из пяти трещин, или ее озаменовали независимо от количества струек сакральной цифрой пять. Арча как дерево сама сакральна, и древесина ее использовалась в обрядах: считалось, что ее запах отгонял злых духов и был благоприятен для ангелов-хранителей дома. На Памире в кишлаке Вазнавд Рушанского района над селением на склоне горы росла арча, которая почиталась как *остон*,

святое место. Комсомольцы-атеисты срезали дерево в конце 1930-х годов. Давлатмамадов Назарамон⁶⁹, житель этого села, пастух и замечательный танцор, горевал по этому поводу всю жизнь и никак не находил ему объяснения: будучи десятилетним мальчиком, он был свидетелем этого варварства. В начале 1990-х годов он делился со мной своими переживаниями: «*Маи кишлок ик там ху фарихтае бенист*» («Наш кишлак потерял тогда своего ангела»), — говорил он мне при нашей последней встрече.

Еще сто лет назад таджики, как и их предки, почитали природу и считали себя ее частью, берегли ее, поклонялись и приносили ей жертвы.

Выше мы говорили, что макшеватская пещера не похожа на рукотворный *мазар*, в котором тело предается земле по канонам ислама, а после над могилой возводится строение. Однако посетители-паломники воспринимают ее именно как *мазар* со святым телом, при этом ярко выражены элементы доисламских верований. Вот одна деталь, связанная с почитанием природы: паломники, оказавшись в пещере, оставляют камешки в углублениях, щелях и на полочках ее стен, принимаемых за следы рук и ног святого⁷⁰. Эти подношения сопровождаются молитвами и просьбами. Здесь, на наш взгляд, камешки воспринимаются как одухотворенные предметы, способные передать информацию (мольбу, просьбу) от одной субстанции к другой, в данном случае — от паломника к святому.

Или если от камней перейти к огню: упомянутый Яворским обряд с зажженными факелами и свечами, которые приходящие ставили перед фигурой святого, имеет еще более древнее происхождение. Информанты Яворского интерпретировали зажженные факелы и свечи как «приношения останкам <...> святого», в то время как по доисламским восточно-иранским традициям священный всеочищающий огонь играл роль *оберега* при соприкосновении всего живого со всем тем, что было связано с мертвым. Огонь между посетителем и мумифицированной фигурой создавал пограничную защитную зону.

Я привел эти примеры не потому, что претендую на разгадку тайны Макшеватской пещеры, которая по сей день по-настоящему

не исследована и не разработана представителями смежных наук. Древние обряды и традиции, вырванные из контекста своего времени, из системы верований, а порой и из своей культуры, в виде осколков существуют в наши дни. Они требуют весьма деликатного отношения, всестороннего изучения и сохранения, ибо через них мы восстанавливаем недостающие звенья в общечеловеческой культуре. Они — мостики познания между нашим временем и далеким прошлым.

Однако мы далеко ушли от нашей основной темы.

Граф Бобринской и Макшеватская пещера

Граф Бобринской и Богоявленский не написали ни одной строки о своем трудном восхождении к Макшеватской пещере и о своем в не меньшей степени нелегком труде в самом «подземелье». Их общий труд был «суммирован» в публикации профессора Зографа, однако если иногда Зограф ссылается на Богоявленского, то ссылок на графа нет. Ни в одной из своих работ граф Бобринской не упоминает Макшеватскую пещеру, даже в тех отрывках, где он пишет о *мазарах*, пещерах, о святых местах и связанных с ними суевериях. Во всех других главах его книги «Горцы верховьев Пянджа» много упоминаний о Зарафшанской долине, ссылок на нее, автор приводит сравнения с ней, но даже не упоминает о Макшевате. Создается впечатление, что эта тема была им *табуирована* для себя самого, что он *не хотел* вспоминать о ней.

Граф Бобринской с детства был воспитан в православной среде, он был хорошо знаком и со староверческой духовной культурой. И как глубоко верующий человек имел свои внутренние этические критерии и рамки, которые не должен был перешагивать. Я предполагаю, что, согласившись на исследование пещеры, он не имел ясного представления о том, что конкретно предстоит совершать в Макшевате. Из всего написанного им вытекает, что он не только хорошо знал мировые религии и всевозможные верования, но относился с глубочайшим уважением к духовно-религиозным чувствам людей независимо от их вероисповедания, уровня развития, предмета поклонения. В Макшевате свершилось то, чего он хотел меньше всего: произошло грубое вторжение в духовный

мир незнакомых ему людей, в мир далекой от него культуры. Ему и его спутникам это вторжение было разрешено лишь потому, что территория эта была завоевана. Они пришли в пещеру с военным офицером, начали искать черепа и другие человеческие останки — по сути, проявили насилие над чувствами наблюдавших за ними проводников. Несмотря на то что лично Бобринской этим, возможно, и не занимался, такая картина, думаю, его очень огорчила, и как совестливый человек он запомнил ее на всю жизнь. Двадцать лет спустя предметом исследования графа Бобринского станут русские надгробные памятники, он будет уделять много внимания изучению этой темы, проводить много времени в местах древних захоронений... Мне представляется, что одинокая истлевшая фигура в Макшеватской пещере не раз будет напоминать ему о себе.

Из последующих периодов жизни графа мы знаем, что он был очень скромным человеком. Что бы доброго и полезного он ни делал в жизни, он делал это незаметно и без шума. Во всякой работе он ценил сам процесс достижения цели. Сословность для него существовала как часть системы, в повседневном же общении он относился к людям одинаково ровно, легко сблизился с самыми простыми людьми. Свидетельство этому мы можем найти в эпизоде, который приводит А. А. Семенов⁷¹. Будучи участником следующей — 1898 г. — экспедиции, он поражается выносливости местных ходоков и приводит в пример жителя Зарафшанских гор: «Когда мы были на берегах озера Искандер-Куля, к нам явился вечером туземец из кишлака Якка-Хона по имени Соле, старый знакомый гр. Бобринского по прежней (в 1895 году) поездке на Памиры. Как оказалось, он в этот же день проделал долгий утомительный горный путь пешком, пройдя в этот день верст 80⁷² и на пути перевалив в долину р. Пасруд через трудно проходимый перевал Барщевского⁷³ <...> На перевале Соле только раз и отдохнул за все время пути»⁷⁴.

Значит, граф в 1895 г. не просто «галопом» пронесся по Зарафшану, он успел приглядеться к кишлакам Зарафшанской долины и завел добрых знакомых, один из которых, три года спустя узнав каким-то чудесным образом о его приезде, прошел более

85 километров, чтобы увидеться с ним. Однако следует констатировать, что встреча эта примечательна своей интригой. Ходок поразил А. А. Семенова тем, что за один день преодолел такое значительное расстояние, к тому же по горному пути, по крутым подъемам и спускам. Но Семенов ни слова не сказал о причине прихода Соле, ведь надо было иметь весьма серьезные основания, чтобы пройти не менее 14–15 часов, да и обратный путь, не менее сложный и длинный. Становится очевидным, что встреча была назначена графом, при этом очень заблаговременно. Видимо, когда экспедиция проходила мимо кишлака Якка-Хона⁷⁵, граф встретился с Соле и о чем-то попросил его. Или же Соле отсутствовал, и в кишлаке его родным передали, чтобы он добрался до Искандеркуля, где мог бы пересечься с караваном экспедиции. Граф, человек весьма деликатный, по природе своей не любил командовать другими, просить кого-то о чем-то: значит, некое чрезвычайно важное дело заставило его вызвать Соле в Искандеркуль. Почему встретились в Искандеркуле? Могли встретиться раньше, к примеру в окрестностях Кули-Калонской котловины. У графа было серьезное дело в районе Искандеркуля, которое могло быть связано с предыдущей поездкой? А что важное здесь происходило в 1895 г.? Только посещение Макшеватской пещеры, откуда забрали черепа. Вспомним, при этом Барщевский успокоил проводников (одним из них, видимо, был Соле), что это останки «слуг» Ходжи Исхака, и таджики не «особенно протестовали против похищения этих черепов». Значит, в какой-то форме они выразили свое недовольство, да и Барщевский квалифицировал тогдашнее действие как похищение.

Семенов представил Соле как старого знакомого «гр. Бобринского по прежней (в 1895 году) поездке на Памиры». Исходя из свидетельства ученого, становится очевидным, что Соле три года назад сопровождал графа до Памира. Вероятнее всего, во время поездки у них состоялся разговор на эту тему, и граф обещал после исследования вернуть черепа на место. И теперь он привез их обратно и мог просить Соле, которому доверял, об одном: вернуть черепа, взятые три года назад, обратно в пещеру, положить их на место, сделать это тихо и незаметно. О графе Бобринском в

опубликованных путевых записках не сказано ничего, как будто его и не было в экспедиции. А о подобном сокровенном деле тем более не напишут. Но объяснить произошедшее можно только тем, что это была его просьба. Подобное было характерно для графа. Сорок лет спустя крестьяне Южного Тироля положат на его могилу венки с надписью «Тайному Благотворителю от благодарных жителей»⁷⁶.

Все вышесказанное — только мое предположение, ничем иным не подтвержденное. Я высказал его по одной причине: для графа Бобринского были очень важны этические критерии и границы, которые он ставил перед собой согласно своей совести, придерживаясь их в повседневной жизни и не желая ни при каких обстоятельствах их перешагивать. Мне представляется, что история с черепами для графа была из того разряда, когда он перешагнул через барьеры, им же начерченные, и надо было вернуться в свои этические рамки, что он и сделал. Он был совестливым и молчаливым человеком, не говорящим по нравственным соображениям о своих добрых делах, о которых нам мало что известно⁷⁷. И все же: в 1911 г. он передал свой московский родовой дом Пятой мужской гимназии, а через пять лет, в 1916 г., пожертвовал родовое имение в Бобриках земству для устройства там школ по лесничеству и земледелию, чтобы крестьянские дети могли учиться хозяйствовать на земле. И точно так же в итальянском Тироле дом, в котором завершится жизнь графа Алексея Бобринского в 1938 г. и жизнь его вдовы, графини Марии Дмитриевны, в 1957 г., по их обоюдной воле будет завещан бездомным. В нем и поныне существует приют для бездомных...

Других печатных свидетельств об обстоятельствах экспедиции 1895 г. мы не обнаружили. Капитан Барщевский, после того как путешественники на другой день завершили свою работу, повел экспедицию по очень небезопасной Фанской дороге, по труднодоступным тропам, нависающим скалистыми выступами над бурной рекой Фандарья. Видимо, выбором маршрута он хотел подготовить своих новых товарищей к более трудным переходам, которые им предстояли на Памире.

Дойдя до долины Зарафшана, экспедиция остановилась в местечке Сангистан, и здесь Барщевский расстался с ними, так как ему надо было возвращаться вдоль долины Зарафшана в Самарканд. Своих же спутников в сопровождении надежных проводников он направил в сторону Ура-Тюбе. Записи в дневнике Барщевского подтверждают наше предположение, что он был прикомандирован к экспедиции в связи с посещением теперь уже известной нам пещеры. Также им не было смысла тащить с собой по горам и перевалам отобранные черепа и кости: капитан мог их доставить в Самарканд и хранить там до возвращения путешественников с Памира. А то, что они направлялись туда, не вызывает никаких сомнения: на это указывает поворот на Ура-Тюбе, по которому мы уверенно можем указать их дальнейший маршрут. Графу Бобринскому и Богоявленскому предстоял долгий путь до Памира вдоль Ферганской долины. Но это уже другая история.

¹ Граф Бобринский Алексей Алексеевич (1861–1938) с начала 90-х годов XIX столетия начал проявлять интерес к Средней Азии. Он организовал на свои средства три научные экспедиции на Памир (в 1895, 1897 и 1901 гг.), издал несколько книг по культуре и истории горных таджиков.

² Худоназаров Д. Граф // Проблемы общей и региональной этнографии. К 75-летию А. М. Решетова. СПб., 2007. С. 132–154.

³ Бобринской А. А. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908.

⁴ Худоназаров Д. Граф А. А. Бобринский — основоположник изучения духовной культуры таджиков Памира // Религиоведение. 2008. № 3. С. 175–187; *он же*. Душа найдет покой... // Родина. 2008. № 4. С. 63–67; *он же*. История одной ошибки в каталоге // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2008. № 3. С. 73–78; *он же*. Справка о фотографиях профессора Н. В. Богоявленского. Директору Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН академику Тишкову В. А. М., 4 ноября 2008 года; *он же*. В поисках архива графа А. А. Бобринского в Южном Тироле // Вестник архивиста. 2011. № 2–3. С. 86–87; *он же*. Тихий благотворитель // Родина. 2011. № 8. С. 63–67.

⁵ Кауфман Константин Петрович, фон (1818–1882) — военный и государственный деятель. Инженер-генерал (1874). Службу начал с 1839 г. Активный участник Кавказской войны. С 1861 г. директор Канцелярии

военного министерства, сподвижник Д. А. Милютин в проведении военных реформ 1860–1870-х годов. С июля 1867 г. туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа.

⁶ Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (ИОЛЕАЭ) основано в 1863 г. при Московском университете. Работа Общества, объединившего антропологов, этнографов, естествоведов, а также всех любителей, интересовавшихся этими дисциплинами, была связана с организацией многочисленных естественнонаучных экспедиций, выставок, издательской и просветительской деятельностью, содействием финансированию науки. При ИОЛЕАЭ выходило несколько периодических изданий: «Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» (с 1866 г.), «Этнографическое обозрение» (с 1889 г.), «Русский антропологический журнал» (с 1900 г.), «Землеведение» (с 1894 г.) и др. См.: *Комарова И. И.* Справочник научных обществ России (http://www.snog.ru/?an=sc_294).

⁷ Федченко Алексей Павлович (1844–1873), российский естествоиспытатель. Путешествуя по Средней Азии (1868–1871), собрал материал по ее флоре, фауне, физической географии и этнографии. Издал труды по паразитологии и энтомологии. Открыл Заалайский хребет. Погиб на Монблане.

⁸ Вревский Александр Борисович (1834–1910), барон, с 28 октября 1889 по 1898 г. являлся туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа. В 1891 г. перед лицом активных попыток британского проникновения А. Б. Вревский предпринял ряд мер, направленных на то, чтобы предотвратить превращение Памира в антироссийский плацдарм и «восстановить права России» на эту область.

⁹ Богоявленский Николай Васильевич (1870–1930) — зоолог, профессор гистологии и эмбриологии беспозвоночных животных Московского государственного университета (с 1913 г.). По окончании (в 1893 г.) Московского университета состоял ассистентом проф. Зографа по зоологии. С 1895 по 1907 г. совершил несколько зоологических экспедиций по Туркестану, Персии и Персидскому заливу. После Октябрьской революции организовал биологическую станцию в с. Болшево Московской области и был ее бессменным директором до самой смерти. Летопись Московского университета (http://old.letopis.msu.ru/fakultet_mediciny_professora_bogojavlenskij_nikolaj_vasilevich.html). Подробнее о нем см.: *Некрасов А. Д.* Профессор Н. В. Богоявленский // Записки биологической станции Общества любителей естествознания, антропологии и эт-

нографии в Болшеве. 1930. Т. 4. С. 7–16; *Горячкин Г. В., Кислова М. А.* Поездка Н. В. Богоявленского в арабские княжества Персидского залива в 1902. М., 1999.

¹⁰ Зограф Николай Юрьевич (1851–1919) — русский естествоиспытатель, зоолог, антрополог, профессор Московского университета.

¹¹ *Зограф Н. Ю.* Черепа из Макшеватских пещер // Зарафшанские горы и Верховье Аму-Дарьи. Поездка графа А. А. Бобринского и Н. В. Богоявленского, 1895 г. М., 1899.

¹² Яворский Иван Лаврович (1853–1908) — географ, этнограф, антрополог и путешественник, был врачом по образованию и профессии.

¹³ См.: Землеведение. 1895. Кн. 1. С. 55–76.

¹⁴ Автор дневника Искандеркульской экспедиции в 1870 г. обозначил этот топоним как Махшеват. См.: *Мустаджир А.* Рузномаи сафари Искандаркул. Душанбе, 1989. С. 122. Напечатано по рукописи: Архив ЛОИВ АН. № 131. Махшеват (Махшеват) — так назвал этот кишлак таджикский историк А. Мухторов. См.: *Мухторов А.* Мазорхо чи тавр пайдо шуданд? Душанбе, 1974. А также его статья: Пещера ходжа Исхока // Советская таджикская энциклопедия. Т. 8. Душанбе, 1988. С. 259. См. также: *Камолов Х.* История мазаров Северного Таджикистана. Душанбе, 2002. С. 63–71.

¹⁵ *Федченко А. П.* Путешествие в Туркестан. М., 1950. С. 156.

¹⁶ Ходжа Исхак Вали — по одним, Колябади — по другим (сноска Федченко).

¹⁷ Кун Александр Людвигович (1840–1888), ученый-востоковед. Родился в семье учителя. Отец — прусак из Мемеля, мать — армянка из Тавриза. Окончил в 1865 г. факультет восточных языков Петербургского университета со степенью кандидата по арабско-персидско-турецкому разряду. В ноябре 1867 г. направлен в распоряжение туркестанского генерал-губернатора. С августа 1868 г. — в распоряжение начальника Зарафшанского округа «для этнографических, статистических и исторических ученых исследований» (Библиографический словарь. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/biograf2/7661>).

¹⁸ Искандеркульская военная экспедиция состояла из двух отрядов: первый отряд, состоявший из 200 казаков, роты пехоты с восемью ракетными станками, двумя горными орудиями, вышел из Самарканда и двигался вверх по течению реки Зарафшан, второй отряд вышел из Ура-Тюбе, в его составе было 100 пехотинцев, 50 казаков. Оба отряда встретились в Оббурдоне, вместе дошли до Палдорака — центра Марчинского бекства, затем возвратились в Варзиминон (совр. пос. Айни),

откуда второй отряд через Шахристанский перевал вернулся в Ура-Тюбе, первый — через бассейны рек Фан и Киштут — в Самарканд. В ходе кампании в нескольких местах было оказано вооруженное сопротивление. В результате Искандеркульской экспедиции верховья Зарафшана были включены в состав Российской империи. См.: *Икрамов Н. Искандеркульская военная экспедиция и начало изучения Верхнего Зарафшана // Ученые записки Худжандского университета. Худжанд, 2010. № 1(21). С. 135.*

¹⁹ *Федченко А. П.* Указ. соч. С. 149.

²⁰ *Икрамов Н.* Указ. соч. С. 136.

²¹ Барон П. А. Аминов участвовал в 1870 г. в военной экспедиции к верховьям Зарафшана. Он напечатал «Военно-топографический очерк горной страны верховьев реки Зарафшана» (в «Туркестанском ежегоднике». СПб., 1874. Вып. 3). Этот очерк профессор И. В. Мушкетов в своей книге «Туркестан» называет прекрасным и говорит, что барон Аминов «сообщил первые точные сведения о нижнем конце громадного Зарафшанского ледника».

²² Видимо, барона Аминова также информировал Кун, оба они были участниками Искандеркульской военной экспедиции 1870 г.

²³ Цит. заимствована из: *Зограф Н. Ю.* Черепа. С. 2.

²⁴ *Икрамов Н.* Указ. соч. С. 139.

²⁵ Богданов Анатолий Петрович (1834–1896) — зоолог, антрополог, историк зоологии, один из основателей российской антропологии, основатель первых антропологических учреждений в России, популяризатор естественных наук, член-корреспондент Петербургской академии наук (1890), профессор Московского университета (с 1867 г.). См.: Фонд Богданова Анатолия Петровича на сайте Архива РАН.

²⁶ *Лукин Б. В.* Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965. С. 268.

²⁷ Ныне Махачкала.

²⁸ Барщевский Леон (Лев Семенович) (1849–1910) — полковник, поляк, военный востоковед, блестящий фотограф, знаток культуры народов Средней Азии. Его военно-востоковедная деятельность целиком связана с Туркестанским краем, где он прослужил почти четверть века. Липский назвал его именем один из перевалов Зарафшанского хребта. См.: *Горшенина С.* Туркестанская коллекция Леона Барщевского // Общественное мнение. Ташкент, 1998. № 2. С. 144–149 (http://svetlana.gorshenina.free.fr/3RU48_Barshchevskij_coll.pdf).

²⁹ Граф Ростовцев Николай Яковлевич много сделал в сфере просвещения, здравоохранения и культуры города. В частности, по его инициативе был создан музей, посвященный природе, археологии, этнографии Самаркандской области, Барщевский был активным участником его создания. Граф Н. Я. Ростовцев говорил, что археологический отдел музея составлен целиком из коллекции Барщевского. *Назарьян Р.* Губернатор Самарканда // Русский мир. № 1, январь 2009 (<http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/magazines/archive/2009/01/article13.html>). См. также: *Горшенина С.* Указ. соч.).

³⁰ *Зограф Н. Ю.* Черепа.

³¹ *Худоназаров Д.* Граф.

³² Хочу выразить благодарность профессору Марине Магдалине Бломберговой за оказанную ею помощь — предоставление информации из дневника Леона Барщевского. Благодарен и Игорю Строецкому, правнуку Барщевского, который рекомендовал мне к ней обратиться.

³³ *Яворский И. Л.* Краткий отчет о научной командировке в Среднюю Азию, исполненной летом 1894 года. Одесса, 1895. Т. 1–3.

³⁴ Цит. заимствована из: *Зограф Н. Ю.* Черепа. С. 2.

³⁵ Мстиславский Сергей Дмитриевич (1876–1943) — настоящая фамилия Масловский, революционер, советский писатель. Родился в семье историка и профессора Военной академии генерал-майора Д. Ф. Масловского. В 1896 г. в 20-летнем возрасте совершил свою первую поездку в Среднюю Азию. См.: Литературная энциклопедия. 1934. Т. 7 (<http://feb-web.ru/feb/litenc/encycllop/le7/le7-5211.htm>).

³⁶ *Мстиславский С.* Крыша мира. М., 1925.

³⁷ *Он же.* Воспоминания. Публикация подготовлена А. Савельевым // История. 2006. № 16. С. 32–46.

³⁸ Мстиславский в 1901 г. опубликовал статью «Гальча» под своей фамилией. В этой статье он сравнивает свои антропологические измерения с черепами Макшеватской пещеры (С. 26). См.: *Масловский С. Д.* Гальча. (Первобытное население Туркестана) // Русский антропологический журнал. 1901. № 2. С. 17–32.

³⁹ *Бржезицкий И. А.* Самаркандский уезд. Статистический обзор. 1909; *Кастанье И. А.* Современные успехи спелеологии и спелеологические поездки по Туркестану 1913–1914 гг. // МГОРГО. Ташкент, 1915. Т. XI, вып. 2, ч. 2. С. 8–41; *Корженевский Н. Н.* На озере Искандеркуль // Ежегодник Русского Горного общества. М., 1915. Т. XI. С. 99; *Бетгер Н.* Посещение Макшеватской пещеры в 1916 г. // Известия Туркестанского отделения ИРГО. 1915. Т. XIII, вып. I. С. 120; *Хашимов М. А.* По следам

легенд. Ташкент, 1990; *Андрейчук В. Н., Хашимов М. А.* Загадка Макшеватской пещеры // *Свет*. 1998. № 2 (19). С. 35–40.

⁴⁰ Фирдаус Шукуров также описывает трудности и опасности, связанные с посещением пещеры в наши дни, в 2005 г. Он единственный таджик, который оставил свои впечатления о пещере в виде рассказа «Зов предка» (<http://www.proza.ru/2005/12/04-74>).

⁴¹ *Огудин В. Л.* Мумия святого в Макшеватской пещере // *Ислам и народная культура*. М., 1998. С. 190–202.

⁴² Там же. С. 194.

⁴³ По замерам Яворского — 2820 м.

⁴⁴ *Огудин В. Л.* Указ. соч. С. 191–192, 200.

⁴⁵ Сажень = 2,1336 м.

⁴⁶ *Зограф Н. Ю.* Антропологические исследования мужского великорусского населения Владимирской, Ярославской и Костромской губерний // *Известия ИОЛЕАЭ*. Т. XXVI. Тр. отд. антроп. Т. XV. М., 1892; *Зограф Н. Ю.* Антропологический очерк мещеряков Зауральской части, Пермской губернии // *Из протоколов заседаний Комитета по устройству антропологической выставки Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии*. № 48. М., 1879.

⁴⁷ Цит. из отчета Яворского заимствована из: *Зограф Н. Ю.* Череп. С. 5.

⁴⁸ *Богоявленский Н. В.* В верховьях р. Аму-Дарьи. 1903. С. 6–7.

⁴⁹ Там же. С. 7.

⁵⁰ В 1965 г. французские археологи раскопали греко-бактрийский город Ай Ханум, замечательный памятник у впадения р. Кокча в Пяндж.

⁵¹ Известный российский востоковед профессор В. В. Григорьев писал о Мирзе Казым-беке: «Одна из замечательнейших в настоящее время личностей не только у нас, но и в целой Азии и целой Европе — азиатец, с глубоким мусульманским образованием, соединяющий основательное знакомство с ученостью европейскою, владеющий одинаково как арабским, персидским и турецким, так и английским, французским и русским языками, и на всех шести языках писавший и печатавший».

⁵² Григорьев Василий Васильевич (1816–1881). Окончил курс в Петербургском университете по отделению восточных языков. В 1854–1859 — председатель Оренбургской Пограничной комиссии. В 1859–1862 — начальник Областного управления оренбургскими киргизами. В 1863 г. стал первым руководителем кафедры истории Востока в Санкт-Петербургском университете. Член-корреспондент Петербургской АН. Активный деятель Русского Географического общества. Выдающееся

значение имели его труды по Туркестанскому краю, в том числе «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре: записки мирзы Шемса Бухари», где сообщены интересные исторические сведения и впервые дан образчик таджикского наречия. См.: Русский биографический словарь (<http://www.rulex.ru/01040282.htm>).

⁵³ Икрамов Н. Указ. соч. С. 136.

⁵⁴ Там же. С. 137.

⁵⁵ Федченко уже к тому времени собрал какое-то количество черепов, он мог претендовать на большее их количество и надеяться взять их в пещере. Возможно, Кун хотел предотвратить это.

⁵⁶ Искандеркульская экспедиция была военной: ее предприняли для захвата горных территорий Зарафшанской долины, которые формально отошли к России в 1868 г. согласно договору между Бухарским эмиратом и Российской империей. Но их надо было завоевать на деле. См.: Икрамов Н. Указ. соч. С. 135.

⁵⁷ «Обратный путь главного отряда намечен был через Кштумское бекство, население которого обнаружило враждебность. В этом деле у нас оказалось 35 человек убитых и раненых и двое контуженных». См.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/42747).

⁵⁸ Хромов А. Л. О дневнике Искандеркульской экспедиции в 1870 г. // Известия АН Таджикской ССР. Отделение общественных наук. Душанбе, 1972. № 2. С. 72.

⁵⁹ «Дневник Искандеркульской экспедиции — прекрасный, надежный источник для историков, этнографов и филологов, в первую очередь для тех, кто занимается исследованием районов верхнего Зарафшана. Надежность Дневника в том, что он составлен под руководством ученого-специалиста, не только подготовившего программу сбора материалов, но и контролировавшего соответствие записанного объективно положению вещей» (Хромов А. Л. Указ. соч. С. 75).

⁶⁰ Федченко А. П. Указ. соч. С. 157.

⁶¹ «...ба чое расидем, ки кишлоки Махшеват меноманд. Болои онро кухи Чонвархона мегуянд. Дар енаи кух горе хаст ва ба даруни гор бузургворе хастанд, ки Хоча Исхоки Вали мегуянд. Дар вакти кадим бо кофирон чанг карда, аз сари сина тир хурда, он аз тахти шонаи шарифашон баромадааст. Худи бузургвор баъди маҷрух шудан ба даруни хамон гор рафта, рух ба кибла шуда истода шахид шуда мондааст. Аз миен поени бузургворро кабутар гур карда, ва аз миен боло сурати бузургвор табдил нашуда, бо пушт ва устухон хушк шуда мондааст, ки алхол хам сурати онро фахмида мешавад» (Мустаджир А. Указ. соч. С. 122).

⁶² Под руководством А. Л. Куна работали капитан А. Д. Гребенкин, знавший местный язык, горный инженер Д. К. Мишенков, топограф А. М. Скасси, естествоиспытатель А. П. Федченко и его супруга (они добровольно присоединились к группе), Мулло Абдурахмон Мустаджир и др. См.: *Икрамов Н.* Указ. соч. С. 135–136.

⁶³ В 1878–1879 гг. И. Л. Яворский в качестве врача русской дипломатической миссии Н. Г. Столетова ездил в Афганистан, в город Кабул, к эмиру Шир-Али-хану. Он остался при эмире официально в качестве лейб-медика, а неофициально — в качестве политического агента. После смерти эмира (февраль 1879 г.) начались беспорядки. Яворскому с большим трудом удалось выбраться из Афганистана в Бухару. С начала 90-х годов XIX столетия он приват-доцент, а с 1894 г. — профессор Новороссийского университета по кафедре географии. Автор ряда работ по этнографии, географии и антропологии Средней Азии. См.: *Ионов А.* Лейб-медик афганского эмира // *Медицинский вестник.* 2010. № 30 (535) (<http://www.medvestnik.ru/archive/2010/30/3388.html>).

⁶⁴ *Огудин В. Л.* Указ. соч. С. 194.

⁶⁵ Там же. С. 196.

⁶⁶ *Рахимов Р. Р.* Коран и розовое пламя. СПб., 2007. С. 126–131.

⁶⁷ Там же. С. 135.

⁶⁸ У многих народов, от японских островов до кавказских гор, сохранились легенды о том, как стариков несли в плетеных носилках в пещеру умирать. Вспомним «Легенду о Нараяме» — экранизацию книги Ситиро Фукадзавы «Человек из Тохоку», основанную на древних преданиях. См. также: *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953. С. 209–211. И я слышал в детстве вариант этой легенды.

⁶⁹ Давлатмамадов Назарамон (1927–1993), житель села Вазнавд Рушанского р-на, ГБАО Республики Таджикистан.

⁷⁰ *Огудин В. Л.* Указ. соч. С. 198.

⁷¹ Семенов Александр Александрович (1873–1958) — историк-востоковед, этнограф, филолог, религиовед. Родился в с. Польное Конобеево Шацкого уезда Тамбовской губернии. Доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии наук Таджикистана, директор Института истории, археологии и этнографии АН Таджикистана. Был репрессирован, в заключении с 1931 по 1934 г. (<http://vostokoved.academic.ru>). Подробнее о нем см.: *Акрамов Н. М., Литвинский Б. А.* Александр Александрович Семенов. М., 1971.

⁷² 85 км 344 м.

⁷³ Назван в честь капитана Леона Барщевского.

⁷⁴ Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903. С. 27.

⁷⁵ Богоявленский Н. В. Указ. соч. С. 2.

⁷⁶ «Stillem Wohltäter — dankbare Bevölkerung». Дословный перевод с немецкого: «Тайному (молчаливому) благотворителю от благодарных жителей».

⁷⁷ По этому поводу есть таджикская поговорка: «*Кори савоб куну ба об парто*» («Сделай благое дело и “брось” в воду», то есть забудь и не напоминай о совершенном).

В прошлом выпуске на с. 294 под рис. 1 «Генеральный план мазара (по Н. Ситняковскому)» помещен генеральный план, составленный в конце XX в. Ниже приводится план, начертанный Н. Ситняковским в 1889 г.

